

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-27-39

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (СФЕРА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕКОБОГ»)

Нагорный И. А.¹, Заговеньева В. Ю.²

¹ Цзилинский университет

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлено исследование особенностей речевого поведения персонажей в романах Ф. М. Достоевского в соотношении с концептосферой «человекобог». На основе систематизационного анализа языковых средств как репрезентантов специфики речевого поведения определены типы персонажа «человекобог» у Ф. М. Достоевского: «несостоявшаяся сверхличность», «парадоксалист», «параноидальная личность». Определены языковые способы репрезентации данных типов. Доказано, что анализируемые речевые характеристики являются одним из наиболее показательных при описании внутреннего мира героев романов Ф. М. Достоевского, их душевного состояния, социального положения, а также внутреннего развития.

Ключевые слова: человекобог, языковые средства, специфика речевого поведения, умолчание, восклицательное предложение, эмоциональность, экспрессивность, речевое высказывание.

SPECIFICS OF SPEECH BEHAVIOUR OF CHARACTERS IN WORKS BY F. DOSTOYEVSKY (THE SPHERE OF THE CONCEPT “CHELOVEKOBOG”)

I. Nagorny¹, V. Zagovenjeva²

¹ Jilin University

10 Qianjin Road, Changchun 130012, People's Republic of China

² Belgorod National Research University

85 Pobedy ul., Belgorod 308015, Russian Federation

Abstract. The article presents the study of features of speech behavior of characters in novels by F. Dostoyevsky in relation to the sphere of the concept “chelovekobog”. On the basis of the systematic analysis of language means as representatives of specifics of speech behavior, the

following types of Dostoyevsky's "chelovekobog" character are defined: "failed super personality", "paradoxist", "paranoid personality". Language ways of representation of these types are defined. It is proved that the analyzed speech characteristics are among the most indicative in the description of the inner world of heroes in F. Dostoyevsky's novels, of their state of mind, social status and also personal development.

Keywords: chelovekobog, language means, specifics of speech behavior, default, exclamatory sentence, emotionality, expressivity, speech statement.

Введение. Постановка проблемы. На разных этапах развития общества в числе прочих важных проблем возникла проблема переоценки ряда жизненных устоев. Это закономерно обусловлено тем, что актуализируется потребность в переосмыслении «ценностей», которые устарели, и типичная для того или иного временного среза историческая картина мира в меньшей степени нуждается в них в связи с произошедшими переменами во многих сферах жизни общества. Ключевой темой подобной переоценки оказывается человек [15], его моральный облик, «сверхценностные» взгляды, направленные на себя и своё будущее.

Ф. М. Достоевский остро чувствовал внутреннее состояние субъекта, отражая в своих произведениях некий «душевный надрыв». Персонажи в его романах нередко теряют границу между добром и злом, не чувствуют собственной вины за свои поступки – именно такими представляются герои, относящиеся к категории «человекобог».

Речь подобных персонажей имеет свои особенности. В первую очередь, это ярко выраженная эмоционально-речевая составляющая их речевого поведения. Интеграция лингвистического направления с философско-логическими и психологическими направлениями [16] отразила восприятие языка «как способа осознания действительности и, шире, бытия»

[2, с. 13]. Языковые средства, используемые в эмоционально и экспрессивно насыщенной речи героев Ф. М. Достоевского, являются крайне важными при создании автором художественного образа и, как правило, характеризуют указанный образ в модально-оценочном плане [4]. В связи с этим немаловажным представляется концептуальный анализ лексико-семантических средств и синтаксических способов создания речевой характеристики персонажа «человекобог».

Стиль Ф. М. Достоевского предполагает отрицание некоторых норм, отклонение от установленных правил. Анализ языка персонажей художественных произведений помогает в итоге понять внутренний мир писателя и осознать его идеи через трансформацию привычных языковых норм, использование в произведениях просторечий, канцелярских оборотов, газетного жаргона, речевых ошибок, ляпсусов и т. п. Исследование специфики речи героев позволяет также выявить скрытый замысел автора текста, выяснить, почему именно такая, а не иная языково-речевая структура вложена в уста конкретного персонажа, какова её цель и предназначение в действии и перспективе своего развития, так как и базовые, и скрытые смыслы текста [3] перцептивируются при помощи использованных автором средств языковой системы.

Цель и задачи работы. Целью настоящей статьи является исследование языковых средств и способов создания концептуального образа «человекобог» в произведениях Ф. М. Достоевского через анализ особенностей индивидуального стиля писателя, проявляющегося в речевых конструкциях персонажей художественных произведений.

Разработка проблемы в науке. В лингвистике и литературоведении существует достаточное количество работ, посвящённых изучению особенностей языка Ф. М. Достоевского. Оценочный аспект языка писателя был наглядно отражён в многочисленных монографиях, научных статьях, рецензиях [7]. Интерес к глубинному лингвистическому исследованию языка писателя особенно ярко проявился в советский период [5, с. 36]. В поле интересов исследователей творчества Ф. М. Достоевского попали многочисленные особенности его языкового стиля, находящиеся в неразрывной связи с глобальными философскими аспектами и частными идеями писателя, стилеобразующие функциональные характеристики, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета [9, с. 22]. Неоднократно отмечалось, что язык Ф. М. Достоевского в его перцепции адресатом нередко «представляется трудным, малопонятным, иногда “небрежным”, но одновременно с этим обладающим какой-то особой притягательной силой» [12, с. 3]. Указывалось также на то, что конструктивные особенности предложения могут меняться по причине, например, избегания определённых слов героев [18, р. 240].

В настоящее время существует достаточно большое количество направлений в исследовании различных граней языка Ф. М. Достоевского. Е. А. Иванчикова, например, отмечает, что для учёных в творчестве писателя весьма интересна тема концептов и принципов их вербализации (С. А. Акимова, М. В. Воловинская, Г. Н. Немец и др.). Среди концептов, привлёкших внимание учёных применительно к творчеству Ф. М. Достоевского, наиболее популярными являются «бедность», «безумие», «бесы», «братство», «власть», «гнев», «грех», «истина», «любовь», «правда», «страдание», «счастье» и др. [5, с. 10]. Также в современных лингвистических трудах учёными уделяется достаточно большое внимание фактору «языковая личность», отмечается, что у данного фактора имеются свои языковые, ментальные и поведенческие особенности [6, с. 16].

Сказанное определяет обращение к концепту «человекобог» (сверхчеловек) в произведениях Ф. М. Достоевского как актуальное и позволяющее решить ряд поставленных научных задач.

Основная часть. Язык Ф. М. Достоевского, среди прочего, интересен тем, что писатель сознательно вносил беспорядок в литературные и языковые правила, показывая сложность внутреннего мира своих героев, парадоксальность их внутренних диалогов, хаотичность мыслей и нелогичность осуществляемых действий. Репрезентация того, что находится в глубине души персонажа, в сфере бессознательного позволяла Ф. М. Достоевскому раскрыть тайные уголки человеческой сущности, под-

чёркивая на языковом уровне их амбивалентность.

Произведениям писателя во многом присущ полифонизм, его герои, как правило, одержимы идеями. Тем не менее, взгляд Ф. М. Достоевского на мир отражён в речи практически любого персонажа, а центральное место в романах писателя отводится не только описанию сюжета, но и сложным философским диалогам, где каждый герой, используя комплекс языковых средств, высказывает собственное отношение к окружающему миру и его проблемам. Диалоги персонажей рефлексировать душевные терзания героев, что проявляется в авторских языковых повторах, свидетельствующих об эмоциональной составляющей, повышенной экспрессивности и ритмической напряжённости высказываний: «– **Всё**. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. **Это всё, всё!**.. ; – **Всё хорошо, всё**. Всем тем хорошо, кто знает, что всё хорошо. Если б они знали, что им хорошо, то им было бы хорошо, но пока они не знают, что им хорошо, то им будет нехорошо. Вот **вся** мысль, **вся**, больше нет никакой!» (Бесы). Также может присутствовать показательная игра слов: «**Степан Трофимович** .. .сказал, что я под камнем лежу, **раздавлен, да не задавлен**» (Бесы); «**Ты думаешь я фанфароню?**» (Братья Карамазовы). Многие герои высказывают самое, на их взгляд, важное, самовыражаются на пределе, кричат в исступлении либо шепчут в смертельном бреду последние признания: «**Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее в той степени, как он**. Я даже заняться идеей в той степени не могу. **Никогда, никогда я не могу за-**

стрелиться!» (Бесы). Несоответствия в речевом поведении героев произведений находят своё проявление в моделировании предложений, отсылках к прецедентным текстам, использовании субъективно-оценочных суффиксов [5, с. 8; 13, с. 24], а также модальных/эмоциональных частиц [10] и междометий: «**Я знаю, он моя жертвочка...**» (Преступление и наказание); «**С каким ... удовольствием он обработал свой анекдотик**» (Идиот); «**Разве тебе там светло? – вскрикнула ... Елена Ивановна**» (Крокодил); «**Неужели вы действительно такого убеждения..?**» (Братья Карамазовы); «**Ах, боже мой, я совсем не про то...**» (Бесы).

Человек с его сложной внутренней жизнью, с постоянной борьбой в сердце в произведениях Ф. М. Достоевского всегда поставлен в стержневую позицию. Проецируя концептуальный образ «человекобог», писатель утверждал, что любой человек в мире сотворён по образу и подобию Бога, каждый в своей душе содержит частичку его. И с точки зрения этой человеколюбивой позиции Ф. М. Достоевский раскрывает целую плеяду далеко не идеальных персонажей как индивидуальностей с надрывом в сердце. Чем более идеальный образ присутствует в произведении, тем более разрушительный анти-образ ему антагонизирует как греховный герой, преступник, разрушитель мира и культурной жизни. И, возможно, такой персонаж иногда не осознаёт ужас некоторых своих поступков [11]. Почти все подобные персонажи больны «антихристовым началом», которое привлекательно для «сверхлюдей» того времени. Следует отметить, что указанные личности – с надломленной душой, их поступки не

логичны: персонаж «человекобог» часто совершает поступки, которые вредят ему, при этом субъект прекрасно осведомлён о возможной беде, которая может последовать за теми поступками, которые он совершает. Само понятие «человекобог» Ф. М. Достоевский актуализирует в романе «Бесы»: «– Он придёт и имя ему **человекобог**. – Богочеловек? – **Человекобог**, в этом разница» (Бесы).

«Человекобог» в произведениях Ф. М. Достоевского – это не просто человек поступков: он хочет уничтожить Бога, занять его место. Статус Творца – вот та роль, на которую претендует «человекобог», мечтающий обладать правом менять мир по своему усмотрению, иметь право на преступление. У подобного рода людей присутствует чувство ресентимента [14, с. 123]. Следует отметить, что для речевого поведения персонажей «человекобог» в произведениях Ф. М. Достоевского характерно большое количество внутренних монологов, поскольку это люди, постоянно находящиеся в размышлениях (таковы, например, Родион Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов). В речи подобного рода персонажей показательными являются **вопросительные предложения**, которые в большинстве своём представляют собой риторические вопросы или вопросы-размышления – так называемые внутренние реплики, рефлектирующие на языково-ментальном уровне сомнения персонажа в правильности своих решений и поступков [1, с. 235]: «*Любопытно, чего люди больше всего боятся?...Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это? Разве это серьёзно?*» (Преступление и наказание); «*Тварь я дрожащая или право*

имею?» (Преступление и наказание); «*Для чего познавать это... добро и зло, когда это столького стоит?*» (Братья Карамазовы); «*Неужели никто... не осмелится заявить своеволие...?*» (Бесы); «*Не ошибается ли разум-то в выгодах? Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он ровно настолько же любит страдание?*» (Записки из подполья).

Монологи «человекобога» в произведениях писателя крайне диалогизированы, при помощи языковых средств в них актуализирован спор персонажа с самим собой, душевная борьба, отражающая сомнения и колебания, свойственные данному типу героев.

«Человекобог» в произведениях Ф. М. Достоевского проявляет себя в различных вариантах решения своих желаний: а) убийство (которое происходит по причине сжигающей человека идеи – в размышлении о том, имеет ли человек право быть равным великим людям); б) самоубийство (как возможность распоряжаться своей судьбой самостоятельно – для такого рода персонажей не существует идеи выше, чем та, что Бога нет, а люди выдумывали Бога веками лишь с одной целью – чтобы не убивать себя); в) чувство парадоксальности (которое всегда расходится с общим мнением, противоречит здравому смыслу – писатель характеризует данный образ как «парадоксалиста»).

Образ парадоксалиста особенно ярко, на наш взгляд, проявляет себя на уровне языковых средств, поскольку это личность, которая сопротивляется всему миру в целом и самому себе в частности. Данный тип персонажа прекрасно образован, просвещён, но в то же время он крайне суеверен,

злится на весь мир и сам себе зло придумывает, получая от этого огромное удовлетворение. Парадоксалист – личность эгоистичная, уверенная в правильности своих идей, но в то же время, на подсознательном уровне точно знающая, что обманывает самого себя и других людей. Герои-парадоксалисты Ф. М. Достоевского страдают от своего ума, и смысл их жизни заключается в умственном страдании [8, с. 190], они радуются своим мучениям, наслаждаются своими несчастьями. Последнее наиболее показательно проявляется в употреблении автором художественного произведения комплекса языковых средств, например, включение в состав предложения глаголов со смысловой нагрузкой чувства зависти и ненависти: «О, как я ... **ненавижу** их **всех!**» (Преступление и наказание); «...Как любил я их! Отчего теперь я их **ненавижу**? Да, я их **ненавижу**, физически **ненавижу**, подле себя **не могу выносить...**» (Преступление и наказание); «Жил в знаменитое время, всех **ненавидел** и всем **завидовал...**» (Записки из подполья). Репрезентированная данными языковыми средствами животно-духовная человеческая сущность выступает как слепая движущая сила, ничего не видящая не своём пути, и на этом строится базовая проблема художественного произведения. Герой рассматриваемого типа представляет собой символ современного писателю человечества, которое со страданием расстаётся с традиционными представлениями обожествления разума, действующими на протяжении долгого времени в обществе.

Парадоксалисты как концептуальный образ «человекобога» у Ф. М. До-

стоевского хотят экзистенциальной свободы от очевидных фактов жизни. Они сориентированы действовать, совершить поступок для доказательства своей силы, своих возможностей, однако на это они не способны. Например, Иван Карамазов желает всеми силами найти доказательство, что Бога нет, что человек сам вершит свою судьбу: «Я не бога не принимаю..., я **мира**, им созданного, **мира-то божьего не принимаю** и не могу согласиться принять» (Братья Карамазовы). Отметим, что персонаж «человекобог» нередко использует такой приём как повторы слов, где повтор используется автором для эмоционально-экспрессивного усиления общего смысла предложения. Последнее отражает сложное внутреннее состояние «человекобога» как сомнение, колебание или оправдание своей позиции.

Следует также заметить, что «человекобогу»-парадоксалисту, как бы он ни старался возвести в культ человеческий ум и руководствоваться только собственной теорией, свойственно эмоционально-экспрессивное окрашивание высказывания как типичное. Это подтверждается наличием большого количества эмоционально-оценочных языковых средств, а также восклицательных предложений как продуктивного способа репрезентации модусно-кваликативной составляющей диалога: «**Преступление? Какое преступление?** – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – *то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентищицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление?*» (Преступление и наказание);

– **«Наконец-то ты понял! – вскричал Кириллов восторженно. – Стало быть, можно же понять, если даже такой, как ты, понял! Понимаешь теперь, что всё спасение для всех – всем доказать эту мысль. Кто докажет? Я!»** (Бесы).

Нередко высказывания персонажа «человекобог» становятся рефлексором иступлённого состояния через показательную риторичность: **«Не хочу я..., чтобы мать обнималась с мучителем..! Не смеет она прощать ему!»** (Братья Карамазовы); **«Что говорить! Тяжелы Свидригайловы!»** (Преступление и наказание); **«Или отказаться от жизни совсем! – вскричал он вдруг в исступлении, – ...и задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!»** (Преступление и наказание); **«О нелепость нелепостей!»** (Записки из подполья). Подобные монологи представляют собой произнесённое «вслух» и носят исповедальный характер относительно собеседника – антипода, являющегося «богочеловеком» (например: Иван Карамазов – Алёша Карамазов; Родион Раскольников – Соня Мармеладова). При этом, апеллируя к своим противоположностям, персонаж «человекобог», как правило, чувствует свою человечность и делает маленький шаг навстречу добру: **«Веришь ли: я сейчас погрозил сестре чуть ли не кулаком за то только, что она обернулась в последний раз взглянуть на меня. Свинство – этокое состояние! Эх, до чего я дошёл!»** (Преступление и наказание); **«Уж конечно, объясню, не секрет, к тому и вёл. Братишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть с твоего устоя, я, может быть, себя хотел бы исце-**

лить тобою, – улыбнулся вдруг Иван, совсем как маленький кроткий мальчик. Никогда ещё Алёша не видал у него такой улыбки» (Братья Карамазовы).

Сострадание – одна из главных идей произведений Ф. М. Достоевского. Многие из персонажей «человекобог» являются жертвами определённых событий. При этом писатель на языковом уровне отчётливо даёт понять, что на человека всегда что-то влияет, поэтому он нуждается в понимании: **«– Полно, Соня, довольно! Не мучь меня! – страдальчески попросил он...»**

Раскольников отшатнулся и с грустной улыбкой посмотрел на неё:

– Странная какая ты, Соня, – обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это» (Преступление и наказание).

Душевные метания персонажа «человекобог» продуктивно подчёркиваются в тексте языковыми средствами и конструктивными способами. Например, модально-вопросительными частицами и разделительными союзами (**«Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...»** (Преступление и наказание)); противительными союзами и усилительными частицами (**«– Дай! – сказал Раскольников... Но он тотчас же отдёнул протянутую за крестом руку»** (Преступление и наказание)); включением в текст безлично-отрицательных предложений (**«Для меня нет выше идеи, что Бога нет»** (Бесы)).

Рассматриваемый тип персонажа в произведениях Ф. М. Достоевского в состоянии душевной неустойчивости

утрачивает возможность ясно воспринимать добро и зло, не может найти себя, перестаёт понимать, где хорошее, а где плохое. Это рефлектируется на уровне языковых способов донесения авторской мысли до читателя при помощи комплексного включения в текст однородных членов, морфемных повторов, актуализации приёма языковой игры: «Главное самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе, и к другим людям» (Братья Карамазовы). Тем не менее, анализируемый тип персонажа в своём сердце верит в Бога, но не желает себе в этом признаться, иначе он уже не сможет оправдать собственные поступки. Такое сложное душевное состояние подчёркивается включением в текст антитез, построенных на сопоставлении несопоставимого и репрезентированных однокоренными глаголами: «*Страх есть проклятие человека... Но я заявлю своеволие, я обязан **уверовать, что не верую***» (Бесы).

Постоянно размышляя, персонаж «человекобог» сомневается во всём, поэтому Ф. М. Достоевский, проецируя образ такого персонажа, продуктивно использует в тексте языковые приёмы умолчания, синтаксической компрессии и парцелляции. Приём умолчания стандартно отражает аспект незаконченности мысли персонажа, а недосказанность, в интонационном плане отражаемая увеличением паузы, даёт возможность перспективного размышления, объединения мыслей в единую логическую цепочку: «*И тогда, стало быть, так же будет солнце светить...*» (Преступление и наказа-

ние); «*Сам увидишь, что всё тайное станет явным! А ты будешь раздавлен...*» (Бесы). Приём синтаксической компрессии [17] ярко проявляет обрывочность мыслей персонажа, показывает его душевное волнение: «*Я ему ночью апокалипсис читал, и чай. Очень слушал: **даже очень, всю ночь***» (Бесы); «*Нет, ты знаешь... **иначе как же бы ты...** не может быть, чтобы ты не знал...*» (Братья Карамазовы). Приём парцелляции служит показателем глубокого душевного волнения персонажа: «*Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну ... **что же его? Расстрелять?***» (Братья Карамазовы). Данные языковые способы репрезентации ментальных процессов являются весьма показательными для произведений Ф. М. Достоевского, поскольку наглядно отражают весьма сложное психологическое состояние персонажа «человекобог». При помощи указанных способов писатель показывает дуальность главного героя, раздвоенность его личности и неопределённость конкретного мировосприятия.

Речевое поведение персонажей «человекобог» в творчестве Ф. М. Достоевского, в основном, носит показательный индивидуализированный характер, и это достигается писателем не только применением лексических или морфологических средств, но и в большей степени – интонационно-синтаксических способов. Предложения в диалогах героев, как правило, имеют специфическую структуру, для которой характерны формальные наслоения: «*Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда ведь не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я, и, **сверх того, редко человек согласится***

признать другого за страдальца (точно будто это чин)» (Братья Карамазовы). Они в большинстве своём эмоционально и экспрессивно окрашены, чем автор художественного текста пытается показать психически напряжённое состояние рассматриваемого типа персонажа, отразить в речевой сфере его состояние психологического надрыва: «*Успокойтесь! – повторял решительно встревоженный за него Ставрогин, – я, может быть, ещё отложу ... вы правы, я, может, не выдержу, я в злобе сделаю новое преступление ... всё это так ... вы правы, я отложу*» (Бесы). При этом стиль речи персонажа «человекобог» у Ф. М. Достоевского всегда является показателем сомневающегося, двойственного человека, в мыслях и речи которого нет последовательности, налицо глубокие философские противоречия: «– *Не для того, чтобы матери помочь, я убил – вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил ... Мне надо было узнать ... смогу я переступить или не смогу!.. Я только попробовать сходил...*» (Преступление и наказание).

Анализ языковых средств и способов репрезентации специфики речевого поведения применительно к сфере концептуального понятия «человекобог» подтверждает выделение следующих типов персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского.

А. Несостоявшаяся «сверхличность». К данному типу относятся персонажи (Алексей Кириллов, Родион Раскольников), охваченные идеей стать сверхчеловеком, оказаться на уровне Бога. Для такого типа персонажей на речевом уровне характерно наличие

большого количества внутренних диалогов, в которых чётко проговаривается некая навязчивая идея, присутствующая в контексте всего произведения. Диалоги персонажей данного типа включают на лексическом уровне достаточно большое количество лексических повторов, а на синтаксическом – риторически вопросительные предложения, а также предложения, отражающие ментальную операцию раздумья (графически зафиксированную многозначием).

Б. Парадоксалист. Данный персонаж фактически не живёт, не чувствует жизни. Это человек высокого ума, сосредоточенный на себе, всегда желающий «быть в своём уме». От осознания этого персонаж страдает, и для него это своеобразная расплата за понимание. Персонаж такого типа находит свободу в размышлениях, но не знает, что нужно с ней делать (например, Иван Карамазов). Для персонажей подобного рода характерным оказывается ярко выраженное эмоционально-экспрессивное окрашивание их речи, присутствие большого количества вопросительных и восклицательных предложений. В речи подобных героев Ф. М. Достоевского фиксируются предложения с модальными значениями предположения, сомнения, неуверенности, кажимости.

В. Параноидальная личность («бесы»). Указанный персонаж уже пересёк границу «по ту сторону добра и зла». Он потерялся в жизненных лабиринтах, не понимает, где хорошее, а где плохое (например, Ставрогин). Такого рода персонаж-«человекобог» в душе глубоко ненавидит себя и мало разговаривает с людьми. Для речи таких персонажей характерны недоска-

занность, умолчание, а в формальном аспекте их речь отличается наличием большого количества простых предложений и повторов. Последние в речи «человекобога» по большей части передают её эмоциональную напряжённость, являются средством выражения субъективной модальности. Речь подобного рода персонажа, как правило, беспорядочна, не имеет чёткой структуры, что позволяет автору художественного слова актуализировать деструктивное состояние описываемой личности.

Выводы. Исследование параметра специфики речевого поведения персонажа «человекобог» на уровне анализа языковых средств и способов репрезентации «точки зрения» как самого персонажа, так и оценочной позиции автора художественного слова позволяет констатировать, что рассматриваемый тип личности у Ф. М. Достоевского – это интеллектуальный человек, которому во многом свойствен фактор внутренней монологизации речи. Данный стилистический приём позволяет писателю представить тип героя, подходящего под понимание «человекобога», находящегося в оппозиции с внешним миром и уверенного в том, что другие люди недостаточно умны, чтобы понять и оценить его. Для речи рассматриваемого персонажа типичными оказываются вопросительные предложения, в которых запрос информации адресован себе самому, имеет яркую риторическую окраску, являющуюся дополнительным рефлексом того, что человек сам создаёт себе проблему и сам ищет на неё ответ. В речи персонажа «человекобог» типичным является также наличие большого ко-

личества восклицательных предложений, что характеризует человека как эмоциональную личность, страдающую, остро чувствующую несправедливость и ярко реагирующую на неё. Кроме того, для речи персонажа «человекобог» важным оказывается и часто используемый Ф. М. Достоевским стилистический приём умолчания, являющийся рефлексом ментального процесса сомнения как одного из знаковых свойств характера подобного рода людей.

Анализ специфики речевого поведения персонажа «человекобог» в произведениях Ф. М. Достоевского на уровне языковых средств и способов репрезентации доказывает, что «человекобог» – это вечно сомневающаяся и колеблющаяся личность, а состояние стресса, характерное для неё, как правило, влечёт за собой изменение не только норм жизненного поведения, но и норм речевых, ведь мысли анализируемого типа персонажа находятся в бессвязном состоянии, следовательно, и речь такого героя не может быть правильно выстроена. Ф. М. Достоевский при помощи рассмотренных языковых средств и способов детально описывает душевный надрыв и экзистенциальный кризис в жизни людей, их психологическую неустойчивость, что в итоге выливается в речевой дисбаланс конкретного персонажа «человекобога». При анализе специфики речевого поведения рассматриваемых персонажей выявляются яркие языковые показатели сказанного: эмоционально окрашенные предложения, большое количество риторических вопросов, наличие внутренних и открытых монологов, стилистические приёмы умолчания, синтаксической

компрессии и парцелляции, лексические и морфологические повторы. Всё это в комплексе указывает на то, что перед читателем возникает сложная, противоречивая личность, постоянно пребывающая в состоянии колебания, неуверенности и сомнения, ищущая подтверждения правоты своих поступков.

Заявленная проблема, на наш взгляд, имеет широкие перспективы исследования в аспекте разработки вопросов модусной насыщенности художественного текста, исследования модусных категорий и систематизации языковых средств квалификативного характера применительно к творчеству Ф. М. Достоевского.

Статья поступила в редакцию 06.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Е. И. Коммуникативно-прагматические функции вопросительных предложений в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // XVIII Ломоносовские международные чтения. Архангельск: Поморский государственный университет, 2006. С. 233–239.
2. Винокурова М. А. Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 203 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 114 с.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
5. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 287 с.
6. Калашникова А. А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 19 с.
7. Касаткина Т. А. Художественная реальность слова: онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 480 с.
8. Климова С. М. Страдание у Достоевского: сознание и жизнь // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» 2008. № 7. С. 186–197.
9. Короткова О. В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 23 с.
10. Нагорный И. А. Функции русских частиц: к проблеме дифференциации модальной квалификации и оценки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7 (256). С. 19–25.
11. Реди О. Достоевский как русский Диккенс // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/publications/86293> (дата обращения: 10.04.2019).
12. Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: Лексикографическое представление: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 57 с.
13. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М.: Наука, 1967. 158 с.
14. Шелер М. Рессентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999. 233 с.
15. Halliday N. A. K. Language as a social semiotics. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
16. Jakobson R. Selected writings. Vol. II. Word and language. The Hague; Paris: Mouton. 1971. 752 p.

17. Kinsch M., Dijk T. *Strategies of discourse comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 423 p.
18. Morson G. *Verbal Pollution in "The Brothers Karamazov" // Critical Essays on Dostoyevsky* / ed. R. F. Miller. Boston (Mass): G. K. Hall & Co, 1986. P. 234–242.

REFERENCES

1. Belov E. I. [Communicative-pragmatic functions of interrogative sentences in the novel by F. Dostoevsky "Notes from underground"]. In: *XVIII Lomonosovskie mezhdunarodnye chteniya* [18th international Lomonosov readings]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2006. pp. 233–239.
2. Vinokurova M. A. *Smysl «predpolozhenie» i yazykovye sredstva ego vyrazheniya v sovremen-
nom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The meaning of an "assumption" and lan-
guage means of its expression in the modern Russian language: PhD thesis in Philological
Sciences]. Barnaul, 2004. 203 p.
3. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as object of linguis-
tic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 114 p.
4. Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional
syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 351 p.
5. Ivanchikova E. A. *Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo* [The syntax of prose of
Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 287 p.
6. Kalashnikova A. A. *Yazykovaya lichnost' v russkoyazychnom bloge: kognitivno-pragmatich-
eskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic personality in Russian blog: the
cognitive-pragmatic aspect: abstract if PhD thesis in Philological Sciences]. Rostov-on-
don, 2011. 19 p.
7. Kasatkina T. A. *Khudozhestvennaya real'nost' slova: ontologichnost' slova v tvorchestve
F. M. Dostoevskogo kak osnova «realizma v vysshem smysle»: dis. ... kand. filol. nauk* [The
artistic reality of the word: the ontological nature of the word in the works of F. Dostoevsky
as the basis of "realism in the highest sense": PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow,
1999. 480 p.
8. Klimova S. M.. [Suffering in Dostoevsky: Consciousness and Life]. In: *Vestnik
Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya.
Iskusstvovedenie»* [RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies],
2008, no. 7, pp. 186–197.
9. Korotkova O. V. *Strategii rechevogo povedeniya v «Dnevnikе pisatelya» F. M. Dostoevskogo:
avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The strategy of speech behavior in the "Diary of a writer" by
F. Dostoevsky: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2000. 23 p.
10. Nagornyi I. A. [Functions of Russian particles: to the problem of modal qualification dif-
ferentiation and assessment]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo uni-
versiteta. Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities.
Philology. Journalism. Pedagogy Psychology], 2017, no. 7 (256), pp. 19–25.
11. Ready O. [Dostoevsky as a Russian Dickens]. In: *Informatsionnyi portal fonda «Russkii mir»*
[Information portal of the Fund "Russian world"]. Available at: [https://russkiymir.ru/pub-
lications/86293/](https://russkiymir.ru/publications/86293/) (accessed: 10.04.2019).
12. Ruzhitskii I. V. *Yazykovaya lichnost' F. M. Dostoevskogo: Leksikograficheskoe predstavlenie:
avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Language personality of Dostoevsky: the Lexicographical
presentation: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2015. 57 p.
13. Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo* [About the style of Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ.,
1967. 158 p.

14. Sheler M. *Ressentiment v strukture moralei* [The resentment in the structure of morality]. SPb., Nauka Publ., 1999. 233 p.
15. Halliday H. A. K. *Language as a social semiotics*. London, Edward Arnold Publ., 1978. 256 p.
16. Jakobson R. *Selected writings*. Vol. II. Word and language. The Hague; Paris, Mouton Publ., 1971. 752 p.
17. Kinsch M., Dijk T. *Strategies of discourse comprehension*. New York, Academic Press Publ., 1983. 423 p.
18. Morson G. Verbal Pollution in "The Brothers Karamazov". In: Miller R. F. *Critical Essays on Dostoyevsky*. Boston (Mass), G. K. Hall & Co Publ., 1986. P. 234–242.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета; член-корреспондент МАНПО;

e-mail: ignago@yandex.ru.

Заговеньева Валерия Юрьевна – аспирант историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagorny – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Institute of foreign languages, Jilin University; Corresponding Member of the International Academy of Science Teacher Education;

e-mail: ignago@yandex.ru.

Valerija Ju. Zagovenjeva – postgraduate student at the Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Заговеньева В. Ю. Специфика речевого поведения персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского (сфера концептуального понятия «человекобог») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 27–39.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-27-39

FOR CITATION

Nagorny .I. A., Zagovenjeva V. Yu. Specifics of speech behaviour of characters in works by F. Dostoyevsky (the sphere of the concept "chelovekobog"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3. pp. 27–39.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-27-39